

Оригинальная статья

УДК 343.97

Коррупционное преступное поведение в контексте антропологического подхода

Максим Викторович Бавсун

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
kafedramvd@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1407-2609**Елена Викторовна Стебенева**

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
st.el@list.ru

ORCID: 0000-0002-3659-3595**Аннотация**

Человеческая природа (ее сущность) в контексте истории остается практически неизменной. Собственность, накопительство, корысть, мздоимство являются традиционными желаниями и пороками, с которыми всегда пыталось бороться государство. Борьба эта имеет статус вечной (с тем или иным успехом), находя отражение в конкретных показателях тех видов преступлений, которые для нее характерны. Взяточничество, подкуп, мошенничество, превышение должностных полномочий и злоупотребление ими, присвоение и хищение так и не перестают быть теми общественно опасными деяниями, которые существовали, по сути, всегда. В то же время полное избавление от их проявлений по-прежнему оказывается недостижимой целью для любой власти в каждый из исторических периодов ее существования. Несмотря на неизменность желаний человека, трансформация общественных отношений наряду с кардинальными изменениями в современных технологиях (медицине, генетике, технике, экономике и т. д.) привела к небезосновательным рассуждениям об уже случившемся вторжении в традиционно запретную сферу – в антропологическое содержание человека. Собственно, именно на этом строятся все рассуждения о так называемом постчеловеке, границы и возможности которого пока остаются не изученными не только в праве, но и в современной философии, психологии и медицине. Изучение корыстных посягательств именно в данном контексте сегодня представляется весьма перспективным и способно если не ответить, то по крайней мере обозначить круг тех вопросов, которые типичны для данного этапа развития нашего общества. **Цель:** определить сущность антропологии коррупционного преступного поведения через анализ специфики криминологического механизма совершения деяний коррупционной направленности, особенно с учетом трансформации современного общества. **Методология, методы и методика:** в проведенном исследовании использованы общенаучные (диалектический, гносеологический) методы, методы анализа и сравнения. Частнонаучные методы – сравнительно-правовой, социологический (анкетирование и опросы), психологический – составили эмпирическую базу представленного

исследования. **Результаты:** осуществлен криминологический анализ специфики коррупционного индивидуального преступного поведения субъекта, что послужило основой определения антропологической сущности коррупционных актов в современном обществе. **Научная новизна:** определяется сформулированными выводами, согласно которым сегодня наблюдается трансформация не только коррупционной преступности, но и личностей тех, кто совершает преступления данной категории. Антропологические предпосылки такой трансформации обсуждаются в совокупности с уже полученными знаниями в философии, нейрокриминологии, медицине и других отраслях знаний. Предпринятый криминологический анализ коррупционного преступного поведения с позиций антропологии обогащает научные знания о сущности коррупции как феномене современного общества и вносит вклад в противодействие коррупционным преступлениям в целом, особенно на современном этапе. **Практическая значимость:** положения, выводы, результаты, полученные в ходе исследования, направлены на восполнение имеющихся криминологических знаний о коррупционном преступном поведении с позиций антропологического подхода, что призвано повысить эффективность индивидуальной профилактики преступлений коррупционной направленности и предупреждения коррупции в целом.

Ключевые слова

коррупция, коррупционное преступное поведение, антропология коррупции, антропологический подход, личность коррупционного преступника, мотивация коррупционного поведения, взяточничество, виктимологическая амбивалентность, корыстная преступность, общество потребления, криминологическая профилактика, должностные преступления

Для цитирования: Бавсун, М. В., Стебенева, Е. В. (2026). Коррупционное преступное поведение в контексте антропологического подхода. *Российский девиантологический журнал*, 6 (2), 329–341.

Original paper

Anthropological approach to corrupt criminal behavior

Maxim V. Bavsun

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
kafedramvd@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1407-2609

Elena V. Stebeneva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
st.el@list.ru

ORCID: 0000-0002-3659-3595

Abstract

Human nature (its essence) has remained virtually unchanged throughout history. Property, accumulation, greed, and bribery have consistently been traditional desires and vices that the state has always sought to combat. This struggle has the status of an eternal one (with varying degrees of success), reflected in specific indicators of those types of crimes characteristic of it. Bribery, corruption, fraud, abuse of power, embezzlement, and theft remain socially dangerous acts that have always existed.

At the same time, complete elimination of their manifestations remains an unattainable goal for any authority in any historical period. They exist at the genetic level, including the ability to be transmitted precisely in this way. Meanwhile, despite the immutability of human desires, the transformation of social relations, along with radical changes in modern technologies (medicine, genetics, technology, economics, etc.), has led to well-founded speculation about an already accomplished intrusion into the traditionally forbidden sphere - namely, the anthropological content of human beings. Indeed, it is precisely on this premise that all reasoning about the so-called posthuman is constructed – a being whose boundaries and capacities remain unexplored not only in law, but also in contemporary philosophy, psychology, and medicine. The study of acquisitive offences in this context appears highly promising today and is capable, if not of providing answers, then at least of outlining the range of issues typical for this stage of the development of our society. **Objective:** To determine the essence of the anthropology of corrupt criminal behavior through an analysis of the specific criminological mechanism of committing corruption-related acts, particularly in light of the transformation of modern society. **Methodology, Methods, and Techniques:** The study employed general scientific dialectical and epistemological methods, as well as methods of analysis and comparison. Private scientific methods – comparative legal, sociological (questionnaires and surveys), and psychological – constituted the empirical basis of the research. **Results:** A criminological analysis of the specifics of individual corrupt criminal behavior of the subject was carried out, which served as the basis for determining the anthropological essence of corrupt acts in modern society. **Scientific novelty** lies in the conclusions showing that both corruption crime and the personalities of offenders are currently undergoing transformation. The anthropological prerequisites for this transformation are discussed alongside current knowledge in philosophy, neurocriminology, medicine, and other disciplines. The criminological analysis of corrupt criminal behavior from an anthropological perspective enriches our understanding of corruption as a modern societal phenomenon and contributes to countering corruption-related crimes, especially today. **Practical significance:** The findings and conclusions of the research aim to fill the gaps in criminological knowledge on corrupt criminal behaviour from an anthropological perspective, enhancing individual-level prevention of corruption-related crimes and the overall prevention of corruption.

Keywords

corruption, corrupt criminal behavior, anthropology of corruption, anthropological approach, personality of the corrupt offender, motivation of corrupt behavior, bribery, victimological ambivalence, acquisitive crime, consumer society, criminological prevention, crimes committed by public officials

For citation: Bavsun, M. V., Stebeneva, E. V. (2026). Anthropological approach to corrupt criminal behavior. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (2), 329–341.

Введение

Современный этап существования человечества задает уникальные координаты общественной парадигмы развития, отличающиеся интенсивными процессами глобального порядка, технологическими революциями, инновационными подходами, что оказывает влияние на все мироустройство и архитектуру социальных отношений. Превалирование во всех сферах деятельности информационных систем, автоматизированных процессов, искусственного интеллекта, казалось бы, вытесняет, исключает человека из многих процессов, но одновременно продвижение идей гуманизации, социальной ориентированности государства, сохранения человеческого капитала определяет необходимость изучения экзистенции человека в современном мире и трансформаций его поведения. При этом актуализируется потребность в выявлении сущности делинквентного поведения, что будет способствовать бы укреплению

хрупкого, неустойчивого правопорядка, тем самым приводя нас к исследованию антропологии девиантного поведения отдельных видов.

Трудно спорить с Ж. Бодрийяром (Бодрийяр, 2021), полагавшим, что современное общество – это общество потребления, формирующее ценности, безответственно ориентирующие на потребительское поведение; и с Э. Фроммом (Фромм, 2004), показавшим извечно существующий выбор между «быть» или «иметь». Корыстные преступления преобладают среди ежегодно регистрируемых общественно опасных деяний в странах всего мира; нацеленность на достижение материального успеха, высокого уровня жизни признается приоритетным многими, если не большинством граждан. В связи с этим особого внимания заслуживает изучение преступлений коррупционной направленности, так как они не только являются корыстными деяниями, но и совершаются с использованием должностного положения, служебных полномочий лицами, наделенными ими легально, что обуславливает специфику коррупционного поведения и особенности его трансформаций, предопределяя его исследование с позиций антропологии коррупционного преступного поведения. Нельзя при этом забывать о том, что в стремительно меняющемся обществе не менее стремительно трансформируется и сам человек, а точнее, то, что составляет его сущность¹. Активную пропаганду перехода от одной системы ценностей, так называемой базовой, к принципиально другой, строящейся на полном отказе от того, что присуще человеку по его природе, т. е. изначально, и уже полученные результаты такой деятельности невозможно игнорировать в ходе прогноза делинквентности как таковой. Дело в том, что якобы переосмысление (а по сути подмена) системы ценностей не происходит одномоментно, по указанию свыше. Для этого необходимы обязательные условия, одним из которых является формирование общества потребления, которое для большинства субъектов правоотношений должно стать смыслом всего существования, а погоня за продуктами новых технологий – одним из его основных элементов. Это, в свою очередь, влечет глубокие процессы трансформации абсолютно всех сфер деятельности, включая преступность, где доля корыстных посягательств всегда была доминирующей, хотя нельзя не признать, что материальные блага для человека во все периоды его существования выступали одним из движущих факторов как прогресса, так и преступности. Между тем погоня за материальным рано или поздно меняет человека, причем не только в части отрицательных качеств, но и позитивных.

В данном случае сложно говорить о происходящих изменениях именно в антропологическом содержании человека, хотя сама по себе эта мысль не относится к категории крамольных. А. А. Федотов пишет: «Учитывая масштаб преобразований, нужно понимать, что идеи Клауса Шваба о Четвертой промышленной революции ставят весьма серьезные вопросы о том, каковы же будут ее антропологические перспективы» (Федотов, 2022). С учетом достижений медицины, генной инженерии, а отсюда и фармацевтики, вопрос об антропологических перспективах развития любого из видов преступности вполне логичен и крайне актуален, что делает его рассмотрение в современных условиях ничуть не менее, а может быть, и гораздо более важным, чем когда бы то ни было.

Во многом этому способствуют возросшие в геометрической прогрессии возможности человека в части обладания материальными ценностями. Альберт Швейцер пишет по этому поводу: «Роковым для нашей культуры является то, что ее материальная сторона развилась

¹ С этим тезисом можно и нужно спорить, так как человек от рождения – так или иначе существо как биологическое, так и социальное, каждое из которых при этом личность. Однако, это не отменяет и того, что трансформация содержания этой личности, в том числе затрагивающая ее сущность, то есть основное предназначение, в историческом контексте прослеживается достаточно четко. Как минимум этот вывод следует на основе самого представления человека о себе, а также той роли, которую ему отводит государство.

намного сильнее, чем духовная. Равновесие ее нарушено. Наши познания обогатились, а возможности возросли в масштабах, которые ранее вряд ли могли бы считаться мыслимыми. Восторгаясь успехами науки и практики, мы, увы! – пришли к ошибочной концепции культуры. Мы переоцениваем все материальные достижения и не принимаем во внимание значение духовного начала в той мере, в какой следовало бы. Но вот мы сталкиваемся с фактами, и они все больше заставляют нас задумываться. Беспощадно суровым языком они говорят нам, что культура, развивающая лишь материальную сторону без соответствующего прогресса духовного, подобна кораблю, который, лишившись рулевого управления, теряет маневренность и неудержимо мчится навстречу катастрофе» (Швейцер, 1973). И эта катастрофа не может не иметь антропологической основы, так как, теряя в духовности из-за перекоса материального, человек меняет свою сущность, уходя от истинного своего предназначения.

Обзор литературы

При исследовании использованы научные труды, касающиеся изучения коррупции как социального феномена с применением различных подходов – криминологического, антропологического, девиантологического, культурологического. Особое внимание уделено изучению структуры криминогенной личности, что легло в основу оценки полученных результатов при исследовании характеристики лиц, совершивших коррупционные преступления.

Методология, методы и материалы исследования

В исследовании использовался методологический плюрализм ввиду многоаспектности изучаемого явления и связанного с ним коррупционного преступного поведения. Это определило использование как общенаучных методов (диалектического, гносеологического) для определения сущности изучаемого феномена коррупции, так и частнонаучных – социологических (опрос, анкетирование), сравнительно-правового (анализ нормативных правовых актов), психологического (при изучении характеристик структуры личности), что послужило эмпирической базой представленного научного исследования. Метод анализа заложил фундаментальную основу в выведении положений и выводов по результатам проведенного исследования.

Результаты исследования

Анализируя антропологию того или иного вида поведения без исследования сущности явления, порождающего его, мы неизбежно придем лишь к изучению последствий, не осознавая до конца его детерминантов. Онтология коррупции зиждется на понимании сущности данного феномена через ее социальную природу и те последствия, которые она влечет – общественную опасность. Используя в двух ракурсах онтологический подход, отражающий сущность рассматриваемого явления, следует отметить, что ее (сущность) характеризуют как системная совокупность свойств коррупции, так и системная совокупность составляющих ее элементов, т. е. реальных практик в виде совершения различного вида коррупционных правонарушений, среди которых наиболее высокой общественной опасностью обладают преступления коррупционной направленности, преобладающее большинство которых связано с взяточничеством. Ежегодно в общем массиве зарегистрированных преступлений коррупционной направленности 40–50 % и более составляют преступления, относящиеся к взяточничеству (ст. ст. 290–291² УК РФ)².

² Министерство внутренних дел Российской Федерации. *Статистические данные о состоянии преступности в России за 2020–2025 годы*. Официальный сайт МВД России. Получено 12 апреля 2026 г., из <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>

Отдельные ученые оценивают масштабы коррупции по таким трем переменным аргументам, причастным к повышенной или пониженной динамике коррупционных показателей, как генная заданность, количество коррупционеров (креаторы), институциональная среда (совокупность заданных и сотворенных обстоятельств) (Косьмин & Кузнецов, 2022). Подвергая сомнению утверждение о генной заданности коррупции, нельзя исключать мотивационный элемент механизма индивидуального преступного коррупционного поведения – желание удовлетворять материальные потребности, формирующие корыстный мотив любого поведения, сильный и стойкий к любым внешним воздействиям и объективным трансформациям. Преступный коррупционный акт не является исключением: именно на стадии принятия решения, каким путем удовлетворить свой корыстный мотив, лицо на основе сформированных морально-нравственных ценностных установок признает необходимым совершение общественно опасного деяния, испытывая при этом своеобразный конфликт интересов – чаще всего коррупционные преступления совершают должностные лица, которые используют свои должностные полномочия, служебные обязанности (легальные права) в незаконных целях. В отдельных случаях, например при взяточничестве, лица, не обладающие необходимыми правами, используют полномочия, служебное положение должностных лиц для реализации своего незаконного корыстного мотива. В данном случае имеет место коррупционная сделка, поэтому именно свойства личности (особенно с учетом современных реалий) побуждают нас обратиться к антропологическому подходу в изучении особенностей коррупционного преступного поведения.

Обсуждение результатов исследования

Как показывают результаты социологических исследований (Стебенева, 2024) и судебная практика, особенности криминологического механизма коррупционного поведения заключаются в неизменности мотивации, трудно поддающейся историко-временной трансформации, но при этом изменяются потребности, интересы, ценности, формирующие ее. Формирование мотивации происходит под воздействием существующих в обществе негативных ценностных установок потребительства (культура потребительства), распространенной коррупционной идеологии. При этом сильнее всего изменяются виды и способы совершения деяний коррупционной направленности в силу развития общественных отношений, распространенности в той или иной сфере социума: от получения/дачи взятки (ст. ст. 290, 291, 291¹, 291² УК РФ) до подкупа спортивных арбитров³ (ст. 184 УК РФ).

Несомненно, запускающий механизм коррупционного преступного поведения – это формирование мотивации, что является максимально привлекательным для определения непосредственного предмета исследования в ходе отдельного сравнительного криминологического исследования⁴. Так, при опросе респондентов на вопрос, что способствует коррупционному поведению должностных лиц, закономерно (учитывая корыстную природу рассматриваемых преступлений) свыше 60 % опрошенных ответили: «недостаточное материальное и социальное обеспечение», но при этом на втором месте (выбрали свыше 16 % опрошенных) оказался ответ «убежденность должностного лица, что оно имеет право за счет своего должностного положения удовлетворять свои материальные и иные личные потребности»; на третьем месте (свыше

³ РБК. (2026, February 26). *МВД возбудило уголовное дело в отношении девяти российских футбольных судей*. <https://www.rbc.ru/sport/26/02/2026/69a046b99a7947867c474c7b>

⁴ Согласно проведенному опросу в марте-апреле 2026 г. среди обучающихся одной из образовательных организаций высшего образования юридического профиля Санкт-Петербурга (всего 111 чел.). Опрос осуществлен с помощью анкеты, представленной посредством Яндекс Формы. URL: <https://forms.yandex.ru/cloud/69ae9a25e010dbd509fe46fe>

9 % опрошенных) – «нежелание законным путем повысить свое материальное благосостояние». При этом на вопрос, что могло бы способствовать совершению коррупционного преступления именно Вами, свыше 23 % респондентов ответили: «тяжелое материальное положение, критическая жизненная ситуация, связанная с недостатком денег». Приведенные результаты ожидаемо свидетельствуют, что корыстный мотив и его незаконное удовлетворение играют решающую роль в формировании мотивации коррупционного преступного поведения (несмотря на то что выделяют также игровые, псевдосоциальные мотивы и пр.) (Стебенева, 2025), но присутствие профессиональной деформации, подмены истинных позитивных ценностей выступают мотиватором в определенной (и немалой) части коррупционных преступлений.

С точки зрения антропологического подхода интересны ответы респондентов на вопросы, затрагивающие когнитивный, эмоциональный и волевой аспекты поведения. Так, на вопрос, касающийся того, чем будет руководствоваться лицо в ситуации принятия решения, свыше 57 % респондентов выбрали ответ «только законом», и лишь 1,8 % опрошенных выбрали вариант ответа «только личными интересами». Для сравнения подобные вопросы в ходе отдельного криминологического исследования были заданы ранее лицам, осужденным за совершения коррупционных преступлений и отбывающим наказание в местах лишения свободы (Стебенева, 2024). Например, на вопрос, касающийся того, чем будет руководствоваться лицо в ситуации принятия решения: личными интересами или законом, большинство лиц, осужденных за коррупционные преступления, также выбрали вариант ответа «только законом», но в меньшем количестве (32 %). Указанный вопрос ориентирует нас на оценку осознания, осмысления субъектом соблюдения правовых норм (когнитивный аспект). Данный вопрос позволяет осуществить оценку зрелости правосознания личности, и если обратиться к теории Л. Колберга (Kohlberg, 1973; Бровкина, 2012) о динамике морального сознания субъекта, то с позиции уровневого подхода трансформации морального сознания субъекта, обусловленной физиологическим, социальным и образовательным ростом, у респондентов, осужденных за коррупционные преступления, внутренняя правопослушная позиция (установка) менее сформирована и устойчива.

Следующий вопрос, предложенный респондентам, касался эмоционального аспекта – оценки привлекательности и позитивных ожиданий субъектов от правопослушного поведения. Для оценки эмоциональной увлеченности, стремления к личным удовольствиям (Чечулин, 2014)⁵, азартности в достижении корыстного результата и рискориентированного поведения респондентам был предложен вопрос об оценке возможности своего участия в лотерее, на который преобладающее большинство как правопослушных респондентов (свыше 50 %), так и осужденных за коррупционные преступления (64 %) ответили нейтрально, выбрав вариант ответа «ни по шансам на выигрыш, ни по вероятности проигрыша». Это свидетельствует о высоком уровне осознанности в поведении и его низкой рискориентированности, о ровном (осознанном) отношении к случайной выгоде. Об этом говорится и в иных исследованиях: значимость материальных ценностей для лиц, совершивших коррупционные преступления, не настолько высока, как это, на первый взгляд, предполагает вид совершаемого деяния (Кроз & Ратинова, 2019).

Для оценки волевого аспекта поведения (сфокусированности субъекта на недопущении криминального поведения, стойком предпочтении законного поведения незаконному в ситуации выбора) (Злоказов, 2023) и в целях определения факторов, детерминирующих, согласно А. Н. Пастушене (Пастушеня, 2000, с. 11), криминогенные потенции личности, респондентам был задан вопрос о том, что удерживает людей от совершения правонарушения: личные убеждения или страх наказания. Среди лиц, осужденных за коррупционные преступления,

⁵ По теории деятельности Л. С. Выготского линия развития по стремлению к удовольствиям является отклоняющейся (деструктивной).

большинство выбрало ответ «личные убеждения» (46 %), тогда как большинство правопослушных респондентов выбрало нейтральный ответ – «в равной степени и личные убеждения, и последствия наказания» (свыше 50 %). Что свидетельствует о значимости волевой регуляции и ее недостаточности при совершении преступления в качестве функции контроля своего поведения. Это имеет решающее значение в заявленном нами ранее конфликте интересов, возникающем при принятии решения о совершении преступного деяния; определяет приоритет не просто повышения материальной, социальной защищенности, ужесточения наказания в целях предупреждения коррупционных преступлений (хотя данные факторы немаловажны), но и формирования антикоррупционной идеологии, правового позитивного мировоззрения, устойчивости самоконтроля и самовоспитания, что способствует выбору законного пути.

Коррупционное преступное поведение специфично с точки зрения антропологического подхода также в следующем: разграничение между субъектом-преступником и субъектом-потерпевшим порой размыто, а при взяточничестве – жертва не явная, не определяемая физически, так как страдают интересы государства, его авторитет; нарушаются интересы государственной службы. При факте взяточничества наличествует так называемая виктимологическая амбивалентность: обе стороны, взяткодатель и взяткополучатель, заинтересованы в криминальном акте (Кашкаров, 2017). Заблуждение об отсутствии видимого пострадавшего, что ярко проявляется при совершении коррупционных преступлений, где должностное лицо может совершать преступное деяние даже единолично (например, ст. ст. 285, 292 УК РФ и др.), приводит к обезличиванию и отсутствию полного осознания общественной опасности совершаемого и социальных последствий.

Согласно проведенному исследованию (Стебенева, 2024)⁶, свыше 35 % опрошенных осужденных за совершение коррупционного поведения отметили провоцирующее поведение потерпевшего при совершении ими деяния – активное предложение взятки, иное склонение к совершению коррупционного преступления, что в очередной раз подтверждает недопустимость исключения из коррупционных схем взяткодателей, посредников и предупредительной работы в отношении данной категории лиц.

Виктимологический аспект коррупционного поведения должностных лиц требует отдельного внимания. Должностные лица обладают повышенной виктимной привлекательностью (Вишневецкий & Кашкаров, 2021), так как имеют те должностные полномочия, служебные обязанности, авторитет и статус, которые способствуют реализации криминальных интересов, что неизбежно влечет высокую виктимность. Склонение к совершению коррупционного деяния, вовлечение в коррупцию достигается путем физического, психического воздействия как непосредственно на само должностное лицо, так и через родственников, близких людей, вплоть до шантажа, фальсификаций и провокаций взяток⁷.

Несомненно, возможна трансформация должностного лица из жертвы в преступника при принятии решения, совершении преступления, но при этом необходимо учитывать положения ст. 40 УК РФ; пп. 30, 32, 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных

⁶ По результатам проведенного в 2023–2024 гг. опроса в виде анкетирования осужденных, бывших должностных лиц, отбывавших наказание за совершение коррупционных преступлений в ФКУ ИК-11 ГУ ФСИН Нижегородской области; ФКУ ИК-3 УФСИН по Рязанской области (для бывших сотрудников правоохранительных органов) (всего 100 человек).

⁷ Верховный Суд Российской Федерации. (2004, 1 июля). *Кассационное определение № 58-004-33 в связи с оправданием обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, в виду отсутствия в его действиях состава преступления*. КонсультантПлюс.

преступлениях» о совершении коррупционного преступления под воздействием принуждения, при провокации. Согласно исследованиям некоторых ученых, почти в 30 % случаев взяточдатель формирует модель поведения преступника, что предполагает наличие так называемого виновного потерпевшего (Репецкая, 1994; Сидоренко, 2017).

Антропология любого явления предполагает изучение не только субъективных факторов, но и объективных, преломляющихся в сознании индивида, отражающихся в его поведении. Тем самым личность преступника, будучи своеобразным индикатором, позволяет оценить те процессы, которые протекают в обществе и способствуют совершению преступлений (Бавсун & Стебенева, 2023).

В немалой степени формированию коррупционного преступного поведения способствует неоднозначное отрицательное отношение к коррупции в обществе, ее хабиитуализация, распространенность культуры потребительства, что дает основание отнести коррупцию к негативному социокультурному явлению, так как культура имеет фундаментальное значение для формирования психики, мышления и поведения (Бибик, 2016). Следует согласиться с тем, что стереотипы реакции индивида на происходящие процессы и выбор модели поведения формируются в социокультурной среде. Культурные ценности создают фундамент системы ценностных ориентаций личности, а в дальнейшем и всех моделей поведения (Бибик, 2012, с. 305–307). Именно внутренняя интенция актора выступает основополагающей в свободе выбора индивидом поведенческих норм с учетом поливариативности ценностных ориентаций (Михайлюк, 2015), качество которых зависит от сформированности и распространенности антикоррупционной идеологии и уровня нетерпимости к коррупции в обществе. Результаты проведенных исследований (Стебенева, 2025) показывают, что терпимость к коррупционным деяниям высока, а порой и допустима; уровень восприятия коррупции среди населения, к сожалению, не однозначно негативен: 19 % опрошенных ответили утвердительно на вопрос, допускают ли они возможность прибегать к даче взятки, совершению коммерческого подкупа в отдельных случаях; 13 % респондентов относятся равнодушно к коррупции как социальному явлению, а почти 5 % – положительно; свыше 82 % участников опроса относятся к коррупции негативно. Более того, на вопрос: «Как бы Вы реагировали, если бы узнали о факте взяточничества или ином факте коррупции?», почти 20 % ответили, что отнеслись бы равнодушно, а свыше 10 % – с сочувствием и пониманием, и только около 11 % опрошенных сообщили бы о данном факте в соответствующие органы, занимающиеся рассмотрением сообщений по данным фактам; почти 60 % лишь предупредили бы о недопустимости такого поведения. При этом свыше 13 % опрошенных допускают возможность совершения фактов коррупции; свыше 12 % респондентов считают коррупцию полезной⁸. Результаты опроса подтверждают существующую в обществе апологию коррупции, что не только негативно влияет на отношение к данному виду деяний, но и способствует негативному воспитанию и распространению коррупционной идеологии.

Выводы

Проведенные опросы позволяют определить специфику коррупционного преступного поведения, заключающуюся в особенностях формирования мотивации лица под воздействием существующей в обществе коррупционной идеологии, подпитываемой культурой

⁸ Согласно проведенному опросу в марте-апреле 2026 г. среди обучающихся одной из образовательных организаций высшего образования юридического профиля Санкт-Петербурга (всего 111 чел.). Опрос осуществлен с помощью анкеты, представленной посредством Яндекс Формы. URL: <https://forms.yandex.ru/cloud/69ae9a25e010dbd509fe46fe>

потребления («общество потребления»); в неизменности мотивации, в ее устойчивости к трансформациям в социуме, но при этом находящей разнообразие в меняющихся способах и видах коррупционных деяний. При этом личность преступника, совершившего коррупционное преступление, обладает отдельными, характеризующими именно ее, чертами на когнитивном, эмоциональном, волевом уровнях, что проявляется в неустойчивом правосознании, низком рискориентированном поведении, слабой зависимости от случайной материальной выгоды, недостаточности волевой регуляции и самоконтроля. Важной особенностью изученного механизма коррупционного преступного поведения является наличие амбивалентности интересов: участники коррупционного акта, например, при взяточничестве, имеют обоюдную заинтересованность, что, во-первых, делает жертву преступления неявной (государственную власть), а во-вторых, искусственно сглаживает осознание общественной опасности данного деяния, повышает его латентность и формирует ложное понимание о «полезности» коррупции, приводящей к ее апологии.

Безусловный интерес представляет ответ на вопрос, почему мы наблюдаем именно такие тенденции и возможно ли их преодоление с учетом глубины происходящих процессов. Ответ на второй вопрос, на наш взгляд, уже давно затмил не только сознание, но и духовность критической массы людей. На материальности выстроена вся система управления, взаимоотношений между людьми и государством, их статусов, технологий и производного от них технократического пути развития человечества в целом. Это не просто взаимосвязанные явления и процессы, они определяют роль каждого индивида в обществе от момента его рождения и смерти. Его соответствие установленным правилам неизбежно, иначе ему уготована роль изгоя, влачащего если и не жалкое, то крайне сложное (ограниченное по возможностям) существование.

«Человек сам по себе – ничто. Поступательное движение жизни – возрастание в духовности – это все» (Льюис, 2011, с. 139). Соответствие второй части данного постулата в чистом виде и с такой категоричностью каждого человека на сегодняшний момент видится утопичным. В противовес ему фактически реализуется другое начало, согласно которому достижение максимального количества благ выступает в качестве одного из ключевых условий продвижения человека по социальной лестнице. Это фатальная безальтернативность, противостоять которой практически невозможно. Обреченность в принятии правил игры создает необходимую основу для управления общественными отношениями. Жесткий контроль и подавление заменить здесь практически нечем, меняются лишь формы и методы. Однако в таких условиях чистота выбираемых средств каждым субъектом правоотношения начинает значить все меньше, а вырабатываемые привычки – все больше. Доминирование в них именно материальных качеств определяет поведение человека, в том числе обуславливая его противоправный (коррупционный) характер.

Здесь и ответ на второй вопрос. Человек находится под воздействием этих привычек, способных основательно трансформировать его, менять его сущность. Если однажды человек приобретает ту или иную привычку, то обычно избавиться от нее ему становится крайне сложно. Если эта привычка ключевая, позволяющая выживать в сложных, хотя и в повседневных условиях (в которых она лишь оттачивается), она становится той базой, на которой происходит дальнейшее развитие человека, а также всех, кто имеет к нему отношение (в основном речь идет о детях). Антропологическая ли это предпосылка преступного, а в нашем случае коррупционного, поведения или нет – вопрос спорный. В чистом виде антропологии как таковой здесь может и не быть, но ее основа в виде формирующейся под воздействием внешних условий устойчивой склонности человека к совершению преступлений определенной

группы, способной определить направление развития его сущностной девиации, отрицать невозможно. Складывающаяся при этом глубокая устойчивая потребность в отклоняющейся (коррупционной) деятельности через различные механизмы способна передаваться другим поколениям, впрочем, без фатальной предопределенности.

Список литературы

- Бавсун, М. В., & Стебенева, Е. В. (2023). Трансформация личности преступника в пост-индустриальном обществе. *Всероссийский криминологический журнал*, 17(4), 340–351.
- Бибик, О. Н. (2012). *Введение в культурологию уголовного права*. Юрлитинформ.
- Бибик, О. Н. (2016). Культурологические аспекты противодействия преступности. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 2, 21.
- Бодрийяр, Ж. (2021). *Общество потребления* (Е. А. Самарская, пер.). АСТ.
- Бровкина, А. Р. (2012). Теория развития морального субъекта Л. Колберга. *Система ценностей современного общества*, 25, 19–23.
- Вишневецкий, К. В., & Кашкаров, А. А. (2021). Виктимологическая характеристика коррумпируемого должностного лица органа публичной власти. *Философия права*, 3, 68–72.
- Злоказов, К. В. (2023). Правопослушная направленность: эмпирическая проверка конструкта. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, 6, 643.
- Кашкаров, А. А. (2017). Виктимная амбивалентность на примере взяточничества. *Виктимология*, 2, 35–38.
- Косьмин, А. Д., & Кузнецов, В. В. (2022). Онтология коррупции: понятие и содержание. *Экономическая безопасность*, 5(3), 1093–1108.
- Кроз, М. В., & Ратинова, Н. А. (2019). Психология личности коррупционного преступника. В А. Н. Савенков (Ред.), *Совершенствование криминологических, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер противодействия преступности в современных условиях: Материалы XI Кудрявцевских чтений*, Москва, 10 октября 2018 года (с. 232–235). Институт государства и права РАН.
- Льюис, К. С. (2011). *Космическая трилогия*.
- Михайлюк, В. А. (2015). Феномен коррупции в исследовательской парадигме социологии культуры. *Известия Сочинского государственного университета*, (3-1), 32–36.
- Пастушеня, А. Н. (2000). *Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект)* [Автореферат диссертации доктора психологических наук].
- Репецкая, А. Л. (1994). *Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике*. Иркутский государственный университет.
- Сидоренко, Э. Л. (2017). Коррупционная преступность в контексте комплексного криминологического анализа. *Библиотека уголовного права и криминологии*, 1, 144–150.
- Стебенева, Е. В. (2024). Механизм коррупционного преступного поведения: особенности и криминологическая трансформация. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*, 14(6), 143–159.
- Стебенева, Е. В. (2024). Особенности личности должностных лиц, совершивших коррупционные преступления: на примере отдельного криминологического исследования. *Уголовно-исполнительное право*, 19(3), 475–486.
- Стебенева, Е. В. (2025). Идеологический фактор в детерминации коррупции. *Уголовно-исполнительное право*, 20(1), 142–155.
- Стебенева, Е. В. (2025). *Криминологическая трансформация коррупции*. Санкт-Петербургский университет МВД России, 151–152.

- Федотов, А. А. (2018). Антропологические перспективы в свете идей Клауса Шваба о Четвертой промышленной революции. *На пути к гражданскому обществу*, (2), 61–65.
- Фромм, Э. (2004). *Иметь или быть? Ради любви к жизни*. Айрис-Пресс.
- Чечулин, В. Л. (2014). *Логико-семантические модели в психологии и их приложение*. Пермский государственный национальный исследовательский университет.
- Швейцер, А. (1973). *Культура и этика*. Прогресс.
- Kohlberg, L. (1973). The claim to moral adequacy of a highest stage of moral judgment. *Journal of Philosophy*, 70(18), 630–646. https://www.pdcnet.org/jphil/content/jphil_1973_0070_0018_0630_0646

References

- Bavsun, M. V., & Stebeneva, E. V. (2023). Transformaciya lichnosti prestupnika v postindustrial'nom obshchestve. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 17(4), 340–351.
- Bibik, O. N. (2012). *Vvedenie v kul'turologiyu ugovnogo prava*. Yurlitinform.
- Bibik, O. N. (2016). Kul'turologicheskie aspekty protivodejstviya prestupnosti. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2, 21.
- Bodriyar, Zh. (2021). *Obshchestvo potrebleniya* (E. A. Samarskaya, per.). AST.
- Brovkina, A. R. (2012). Teoriya razvitiya moral'nogo sub'ekta L. Kolberga. *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva*, 25, 19–23.
- Vishneveckij, K. V., & Kashkarov, A. A. (2021). Viktimologicheskaya harakteristika korrumpirovaniya dolzhnostnogo lica organa publichnoj vlasti. *Filosofiya prava*, 3, 68–72.
- Zlokazov, K. V. (2023). Pravoposlushnaya napravlenost': empiricheskaya proverka konstrukta. *Gercenovskie chteniya: psihologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, 6, 643.
- Kashkarov, A. A. (2017). Viktimnaya ambivalentnost' na primere vzyatochnichestva. *Viktimologiya*, 2, 35–38.
- Kos'min, A. D., & Kuznecov, V. V. (2022). Ontologiya korrupcii: ponyatie i sodержanie. *Ekonomicheskaya bezopasnost'*, 5(3), 1093–1108.
- Kroz, M. V., & Ratinova, N. A. (2019). Psihologiya lichnosti korrupcionnogo prestupnika. V A. N. Savenkov (Red.), *Sovershenstvovanie kriminologicheskikh, ugovno-pravovykh i ugovno-processual'nykh mer protivodejstviya prestupnosti v sovremennykh usloviyakh: Materialy XI Kudryavcevskikh chtenij, Moskva, 10 oktyabrya 2018 goda* (s. 232–235). Institut gosudarstva i prava RAN.
- L'yuis, K. S. (2011). *Kosmicheskaya trilogiya*.
- Mihajlyuk, V. A. (2015). Fenomen korrupcii v issledovatel'skoj paradigme sociologii kul'tury. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*, (3-1), 32–36.
- Pastushenya, A. N. (2000). *Kriminogennaya sushchnost' lichnosti prestupnika (psihologicheskij aspekt)* [Avtoreferat dissertacii doktora psihologicheskikh nauk].
- Repeckaya, A. L. (1994). *Vinovnoe povedenie poterpevshego i princip spravedlivosti v ugovnoy politike*. Irkutskij gosudarstvennyj universitet.
- Sidorenko, E. L. (2017). Korrupcionnaya prestupnost' v kontekste kompleksnogo kriminologicheskogo analiza. *Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii*, 1, 144–150.
- Stebeneva, E. V. (2024). Mekhanizm korrupcionnogo prestupnogo povedeniya: osobennosti i kriminologicheskaya transformaciya. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, 14(6), 143–159.
- Stebeneva, E. V. (2024). Osobennosti lichnosti dolzhnostnykh lic, sovershivshikh korrupcionnye prestupleniya: na primere otдел'nogo kriminologicheskogo issledovaniya. *Ugovno-ispolnitel'noe pravo*, 19(3), 475–486.

- Stebeneva, E. V. (2025). Ideologicheskij faktor v determinacii korruptcii. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 20(1), 142–155.
- Stebeneva, E. V. (2025). *Kriminologicheskaya transformaciya korruptcii*. Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 151–152.
- Fedotov, A. A. (2018). Antropologicheskie perspektivy v svete idey Klavda Shvaba o Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*, (2), 61–65.
- Fromm, E. (2004). *Imet' ili byt'? Radi lyubvi k zhizni*. Ajris-Press.
- Chechulin, V. L. (2014). *Logiko-semanticheskie modeli v psihologii i ih prilozhenie*. Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet.
- Shvejcer, A. (1973). *Kul'tura i etika*. Progress.
- Kohlberg, L. (1973). The claim to moral adequacy of a highest stage of moral judgment. *Journal of Philosophy*, 70(18), 630–646. https://www.pdcnet.org/jphil/content/jphil_1973_0070_0018_0630_0646

Информация об авторах

Максим Викторович Бавсун – заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Елена Викторовна Стебенева – ученый секретарь ученого совета Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, доцент.

About the authors

Maxim V. Bavsun – Deputy Head of Saint Petersburg University of the MIA of Russia for Research, Dr. Sci. (Jurid.), Professor.

Elena V. Stebeneva – Academic Secretary of the Academic Council of Saint Petersburg University of the MIA of Russia for Research, Dr. Sci. (Jurid.), Associate Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 18.05.2026

Одобрена после рецензирования 30.06.2026

Опубликована 30.07.2026

Submitted May 18, 2026

Approved after reviewing June 30, 2026

Accepted July 30, 2026